

Ксюша Венжицкая

Не поехать
ли нам за
счастьем?

Ксюша Вежбицкая

Не поехать ли нам за счастьем?

«Издательские решения»

Вежбицкая К.

Не поехать ли нам за счастьем? / К. Вежбицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505529-3

Перед вами сборник искренних, душевных и чувственных рассказов про наших современников. Как и вы, они пытаются жить, испытывают боль, любят и ищут. И находят. Каждый — свое.

ISBN 978-5-00-505529-3

© Вежбицкая К.
© Издательские решения

Содержание

Дед	6
Прерафаэлитский ангел	8
Среди людей особенных	12
Найти брата	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Не поехать ли нам за счастьем?

Ксюша Вежбицкая

Дизайнер обложки Марина Петрусь
Корректор Ирина Окунева

© Ксюша Вежбицкая, 2019

© Марина Петрусь, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5529-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дед

Надувала губы, брезгливо отворачивалась, когда огрубевшие от жизни руки помогали одеваться. Эти руки, некогда сильные, едва справлялись с водолазкой и были беззащитны перед «молнией» на кофте. Специально расставляла ладошки – маленькие, аккуратные, мешала одевать, чтобы еще раз продемонстрировать ему беспомощность. И говорила раздраженно, словно ребенку:

– Ну, деда-а, это не так делается! – И принималась сама застегиваться.

Он сидел послушный и отруганный, полный покорности перед маленькой девочкой.

– Это зачем? – спросил, показывая на розового мохнатого зайца на брелоке.

– Это такая игрушка. Украшение, очень модное сейчас, – объяснила снисходительно. –

Все девочки такие носят.

Потрогал жесткими руками нежнейший кроличий пух.

– Зачем так раскрасили? Ведь кролики серые, белые, – недоумевал наивно.

Закатила глаза недовольно:

– Ну некрасиво же серый! А розовый красиво и модно.

– Модно, – повторил эхом, сжимая розовый пух. – Разве не красивее то, что от природы?

Вопроса не поняла, только еще больше раздражалась от неловкости и вековой отсталости деда. С ботинками справилась сама. Уже застегивали куртку, когда он снова спросил:

– Каникулы теперь?

– Да, – ответила нехотя.

– Погостишь у нас недельку? – спросил, ласково поправляя шапку.

Увернулась от любящей руки, поправила сама:

– Неделю? Ну уж нет! Каникулы для того, чтобы отдыхать. Гулять с друзьями.

– Хоть на денек приходи, – почти молил, жалкий, ссутуленный, придавленный тонной воздуха сверху, годами сзади, непреодолимостью и предсказуемостью скорого будущего спереди. Жалкий дед с широкими не по размеру штанами, в старых, но чистых и опрятных ботинках. Дед с круглым, просящим лицом. – Приходи.

Посмотрела снисходительно, возвысившись над его униженной старостью.

– Ну, на денек, может, и приду, – сказала холодно. – Подумаю.

Собравшись, они вышли на лестницу, голоса затихли. Делал вид, что смотрю в книгу, а сам не продвинулся ни на строчку, все думал о старике и нечаянно подслушанном диалоге. Ощущение какой-то неправильной неправильности не покидало, мешало читать, свербило. Вспомнил своего деда, такого же неловкого от старости, только он был выше. Тогда никто не спрашивал, хочу ли я к нему на недельку, жил в деревне все лето как миленький. Ловил рыбу на пруду, пил молоко, гонял на велосипеде по глиняным ухабам. Дед был старый, жил бобылем и много делал по хозяйству. Сколько помню себя, он все время казался занятым: что-то чинил, стругал, приколачивал – мало ли забот в своем доме да на огороде? Он и меня пытался научить, но мне не особо сдалась его наука.

Особой страстью деда были его яблони. Он где-то находил редкие черенки, ухаживал за ними, заботливо прививал, нежно поддерживая большими руками хрупкие веточки. Раскидистые яблони приносили по осени несметные урожаи. Ели эти яблоки ведрами, варили компот, закатывали варенье, которое казалось лучшим десертом с блинами – позже. Я знал, что дед любит свои яблони.

Как-то раз мы с деревенской компанией ушли купаться, а я не спросился. Забыл про время, возвращался в сумерках по пыльной дороге, а навстречу дед – встревоженный, нахмуренный. Выпорол он меня по босым мокрым ногам крапивой – прямо при всех ребятах. Ну как выпорол – стеганул пару раз, а я не выдержал – расплакался, больше от обиды, чем от боли,

думал: дразнить будут потом до конца лета. Так и шел за дедом домой – слезы катятся, а сзади все казались смешки, остряки уж новые прозвища, поди, придумывают. Меня такая злость взяла, что, когда мы пришли домой, я не пошел в дом, а зашел на огород и направился в сторону яблонь. Невысокий тонкий стебелек с робкими зелеными листьями заботливо подпирался колышками. Это был новый сорт яблони, дед недавно привез его откуда-то. Не знаю, что на меня нашло, но я буквально накинулся на черенок, начал его пинать и топтать, потом вырвал из земли и переломил.

Никогда не забуду, как дед смотрел на меня. Я подумал, что он сейчас схватится за ремень, но он тогда и не прикоснулся ко мне. Стоял, смотрел, оплакивая в сердце и меня, и растерзанный черенок, а потом сказал тихо:

– Он же живой был. Ты живое убил.

Я тогда не понял. Я только потом понял. Так многое понял. Как сильно дед меня любил. Как каждой копейкой с нищенской пенсии хотел мне угодить: покупал мороженое, чинил велосипед, никогда-никогда не рассказывал родителям, что бы я ни натворил. На ночь, укладывая меня спать, бывало, подойдет, сядет, потреплет по выцветшим волосам. Расскажет что-нибудь, а я слушаю. Дед, дорогой, дедушка, где ты сейчас? Где твой дом, где мой велосипед? Где твои яблони?

Пока вспоминал старое, забыл про настоящее. О нем напомнила дочка, выпорхнувшая из кабинета в своей балетной юбочке.

– Папочка!

Я улыбнулся ей, захлопнул осиротевшую книгу, прогнал пелену с глаз. Оделись, пошли домой. Шел и все думал, как же стыдно, Боже мой! И извиниться не перед кем, сказать, что понял и раскаялся, и купить новый такой черенок, дюжину черенков яблонь! Некому купить.

Перед сном долго ворочался, не мог заснуть. Жена медленно и спокойно дышала, я смотрел на ее спину, пока не провалился в беспокойные сны. Наутро жена застала меня в ванной, сидел, обливался слезами, как последний дурак.

Ночью мне приснился дед. Не в деревне, а просто... Просто без фона даже, не помню, что там подсознание нарисовало на заднем плане, да и неважно это. Стоял он молча и смотрел на меня. Был таким, каким помню его в детстве. Я его увидел и взмолился:

– Дед, прости меня!

Все плакал и просил: «Дедушка, прости!» Я в жизни никогда так не плакал, как в этом сне.

– Простил, – утешает жена. Гладит по голове. – Он простил.

Прерафаэлитский ангел

Он говорил «да» и говорил «нет», говорил «громче, громче!». И звук вырывался из тесных коробок инструментов. Взмах руки рассеивал тьму. Не было никого и ничего, кроме этих рук. Она смотрела на них, замороженная, в толпе насупившихся студентов. Сила гипнотизировала. Магический танец, ритуальные ритмы. Выводимые палочкой круги заклинаний.

Аплодисментов не случилось. Когти стульев оцарапали пол – оркестр закончил репетицию. Палочка отложена осторожно, словно опасное оружие, руки замерли. Темная фигура застыла, и молодые музыканты робко топтались в ожидании. Дирижер повернулся и сделал властный и в то же время небрежный взмах. Без единого слова группа студентов повиновалась. Тогда она заметила лицо преподавателя. Спокойное и сосредоточенное под серебряной короной волос. Он произнес негромко, но очень отчетливо:

– Что вы видели?

Студенты словно окаменели. Зал, еще недавно наполненный звучанием виолончелей и фаготов, кристаллизовался напряжением тишины.

– Варианты?

Руки, которые поразили ее магией управления музыкой, сложились на груди. Губы дирижера нетерпеливо поджались.

– Что вы смогли увидеть?

Тишина длилась слишком долго, растаявший в воздухе вопрос требовал ответа. Когда нервное напряжение аудитории достигло высшей точки, молчать стало невозможно, и она тихо произнесла:

– Работу мастера.

Однокурсники как-то тупо и недоверчиво уставились на нее, а дирижер отыскал ее глазами, и на секунду в уголке тонких губ мелькнула улыбка.

Ей нравился запах репетиционного зала: запах старого дерева – так же пахнут книжные полки, дерзкий лаковый дух новых инструментов, едва уловимая нотка парфюма красивой тонкой скрипачки. Нравился шелест нот. Нравилось смотреть на оркестр, но больше всего она любовалась руками дирижера – легкими, сильными, властными, гибкими, с жилками.

Каждый раз они смотрели, как репетирует оркестр, а потом начинали занятие. Пальцы неуверенно чиркали воздух. Временами на факультативе преподаватель подходил к ним и выправлял положение рук. Однажды подошел и к ней. Мгновение дирижер критически оценивал дрожащую тонкую ладонь. Потом мягко обхватил ее, поворачивая в нужную сторону. Мир совершил кувырок, пальцы онемели, и она не знала, хватит ли сил устоять. Алиса почувствовала запах тела, но не отстранилась. Она ощутила запах дерева, обожженной глины, крепкого чая из детства, с индийской принцессой на коробке, а еще глубокий, чуть сладковатый аромат, который трудно описать, – мускус.

В руке дирижера ее пальцы оказались мягкими и податливыми, словно воск. Вылепив свою композицию, он удовлетворенно кивнул и ушел. Несколько мгновений воздух ощущался теплым и ароматным облаком. Она закрыла глаза и попробовала представить услышанный запах еще раз.

Прилежная ученица, в комнатке общежития девочка по часу водила острым концом рисовальной кисточки в воздухе, воображая отточенность движений. Но ее руки были слабыми, кисть затекала, а мышцы болели. Гораздо приятнее сесть за фортепиано. Тугие и гладкие клавиши казались понятнее. Она нажимала их, и тонкие пальцы утопали. Потом вступала правая рука – хрустальные капельки. Гроздь капель. Дождь капелек. Чистый и прохладный. Однажды, открыв глаза после нежной импровизации, Алиса обнаружила рядом однокурсницу, облокотившуюся на покатый лаковый бок инструмента. Она смотрела вдаль и думала о чем-то

своем. Когда упала последняя капелька, взор искушенной и измученной музыкальной школой студентки затуманился, и она с благодарностью посмотрела на Алису, словно заново открывшую для нее красоту звучащей мелодии, избавленную от ненавистного академизма.

Тем утром ласковый солнечный свет полновластвовал в аудитории, подсветив пылинки и сонные лица студентов. Одно лицо выделялось особенно. Окруженное золотым солнечным ореолом, оно казалось почти прозрачным. Волосы, глаза, ресницы и кожа были настолько светлыми, будто сами излучали свет в сером пространстве класса. И он заметил ее лицо.

Начал выделять ее взгляд в аудитории среди других – скучающих, заискивающих, прозрачных от смартфонов лиц. Иногда отвечал на этот взгляд своими темными искорками. Потом как-то увидел ее в другом классе. Застыл у двери, прикованный золотым свечением растрепанных волос и голосом, прилежно тянувшим гаммы. Тихим и плавным, не полноводным, не задорно звенящим – мягким и затихающим, стоит чуть отойти. Он простоял незамеченным у двери достаточно долго, чтобы прерафаэлитские черты окружили своим теплым сиянием все мысли в его голове. И чтобы добавить новое имя в список факультатива для одаренных студентов.

И она пришла в его творческую мастерскую. По-детски острые коленки торчали из-под свободного платья. Доверчивые глаза внимали каждому слову. Она отличалась от других студентов – заносчивых победителей музыкальных конкурсов. На ее мягком свете взгляд упокаивался, отдыхал, грелся. Но и победительницей конкурсов она не была. Хотя это не обсуждалось.

– Алиса, – напомнила девочка, и дирижер легко усмехнулся, более подходящего имени для нее и представить нельзя.

Алиса приходила часто и засиживалась долго, чтобы он успевал сказать больше. Сначала студентка просто слушала, теребя в руках уголок невероятно длинного шарфа. Потом стала робко задавать вопросы, боясь глядеть прямо и показаться смешной. Как же страстно она хотела услышать ответы! Она наконец все поняла. Наконец кто-то ей объяснил нечто важное. Теперь-то все понятно и просто. Другие ребята покидали мастерскую, а она задерживалась, чтобы задать новый вопрос.

И он отвечал, небрежно откинувшись в своем кресле. Грелся в сиянии золотой девочки и неспешно повествовал. Иногда вопросы были по душе, но больше ему нравились серые капельки глаз – в них читалось нескрываемое восхищение. И так прошел месяц. А потом Алиса попросила поправить положение ее рук для упражнения, которое не получилось. И он подошел. Ее ладонки были маленькие и теплые, а волосы пахли растертой в пальцах мятой. Она подалась навстречу, разрешая вдохнуть ее запах и даже коснуться носом волос. Разрешая тронуть выбившуюся прядку.

– Прерафаэлитский ангел, – говорил он потом, глядя ее по золотистым локонам. И она улыбалась, не очень красиво, но совершенно трогательно.

Алиса едва ли не поселилась в творческой мастерской. Задыхаясь от счастья, она варила кофе, обнимала огромную арфу, училась понемногу играть на ней, кружилась среди инструментов, когда никто не видел, и забросила все на свете. Это все казалось таким далеким и неважным. Она не замечала откровенно презрительных взглядов однокурсниц. Только его руки, взлетающие и взлетающие перед послушным оркестром.

Когда на его концерте появилась ничем не примечательная женщина средних лет, она и ее не заметила. Какая разница, ведь Алиса придет в мастерскую снова, а там нет никаких женщин, только она. Он не смотрит на жену, он ее даже не видит. Алиса почувствовала укол ревности лишь единожды, когда маленькая девочка лет пяти вскарабкалась на сцену, чтобы подарить отцу букетик. Дирижер нежно поблагодарил малютку, и Алиса испытала странный зуд в «сердечной ямке». Ей хотелось выбежать на сцену и оттолкнуть ребенка. На сцену нельзя детям. Почему ее никто не уведет?

Когда Алиса заходила в общежитие, то не расставалась с телефоном. Потому что вопросы никогда не заканчивались, а диалог казался бесконечным. Ей хотелось все время ощущать его присутствие. Немедленно ощущать. Безответные сообщения мучали, как мигрень. А значок «печатает» заставлял ее сердце бешено биться о ребра. Когда он не отвечал сейчас же, чувствовала ноющую боль. Становилась сама не своя, металась по комнате, в ночи срывалась в мастерскую, ночевала на бетонном полу под дверью, а потом бледной тенью слонялась по корпусу, ища глазами *руки*. Гул голосов вокруг про зависимость и возмутительное поведение перешел на *forte*, но ей не становилось легче. И только сложившись в теплый комочек рядом с ним она чувствовала себя живой и могла дышать.

Однажды он не отвечал несколько дней. Прометавшись в бреду сутки, Алиса самым бесстыдным образом вызнала домашний адрес преподавателя и села в трамвай. Она тихо скреблась в дверь, но никто не открыл. Девочка понуро опустилась на дворовую скамейку. Тогда он сел рядом с ней. Алиса так давно не ела, что изображение знакомого лица покачнулось, и девочка не сразу поверила в его реальность.

Мягко остановил протянутую руку.

– Алиса, тебя стало слишком много. Это не может так продолжаться, – сказал он и исчез.

Он смотрел из окна, как Алиса шаркала в сторону остановки. Его ужаснула потухшая серая сутулая фигура в бесформенном платье с длинными спутанными волосами. Сумасшедшая. И уши-то как нелепо торчат, господи.

Она тоже исчезла. Казалось, воздух перестал проникать в ее легкие. Безвкусные дни сливались в бесцветные недели. И все же Алиса не прекратила искать встречи с дирижером. Она заучила его утренний маршрут и расписание, но он всегда терялся среди коллег и студентов и казался неуловимым миражом. На занятиях преподаватель перестал обращать на нее внимание и смотрел сквозь, как тогда – на свою жену.

Перед отчетным концертом Алиса придирчиво изучила свое отражение в зеркале. Она расчесала золотистые волосы, надела бархатное платье и взяла у подружки кроваво-алую помаду. Несколько человек даже сделали ей комплименты.

Стали играть. Вышел оркестр. Долго двигал стульями, неспешно извлекал партитуры. По взмаху дирижера инструменты запели. Алиса не прекращала следить за танцем рук, который казался ей таким же восхитительным, как и в первый день знакомства. Наконец зал зашумел одобрительным гулом аплодисментов. Дирижер особенно представил одну скрипачку – тонкую девочку с горько-шоколадными волнами волос, уверенной улыбкой и большими карими глазами, опущенными темными ресницами. Дирижер бережно помог ей выйти для исполнения соло.

Они играли какую-то тревожную и бесконечно тоскливую мелодию, и Алиса ненавидела мятежную скрипку. Альты и скрипки жалобно скулили, им вслед подвывали кларнеты. Не в силах выносить скрипачку, скрипку и ее мелодию, Алиса отвернулась. В зале она вдруг встретилась взглядом с красивыми, спокойными и холодными глазами, которые видимо давно ее изучали. Алиса посмотрела прямо, без запинки и стеснения. Выдержав паузу, она отвела затуманенный слезами взгляд. Свет погас. Концерт продолжился, но девочка не досидела до конца.

Кутаясь в пальто и старый шарф в пустом холле, Алиса услышала неторопливые шаги. Каблуки мягко тонули в ковровине. Девочка насупилась, теребя в руках берет. Ее плеча коснулась легкая изящная рука. Алиса почувствовала тяжелый смородиновый аромат, смешанный с запахом смоченного дождем асфальта.

– Это пройдет, – одними губами, почти беззвучно произнесла та женщина. – Всегда проходит.

Алиса провожала ее взглядом, пока та не растаяла в тяжелом бархате театральных портьер. Девочка толкнула дверь и вышла на улицу. Вдохнула воздух городского вечера. В голове

настойчиво звучала какая-то мелодия. «Я сыграю ее», – сказала себе. «Нет», – тихо ответил уставший голос внутри. «Ладно». Тишина. «Но это пройдет?»
«Да. Все проходит».

Среди людей особенных

*Все говорят, что нужно кем-то мне становиться. А я бы хотел
остаться собой.*

Виктор Цой

Инга попала в настоящее тайное общество. В кафе при журкорпусе посторонним просто так не проникнуть. Нужны карточки или какие-то пропуска, но их впустили по волшебному паролю: «Мы с сестрами Оршанскими».

Компания комфортно разместилась за столиком. Ингу не покидало ощущение приобщения к чему-то непостижимому и прекрасному – возможно, прямо на этой лакированной столешнице писалась повесть, а в этом кресле сидел именитый режиссер. Она как бы невзначай погладила подлокотник, чтобы в прямом смысле прикоснуться к необыкновенной атмосфере.

Инга знала, что все семейство Оршанских имело какую-то загадочную принадлежность к журкорпусу. Заслышав эту фамилию, местные работники кивали головой в знак молчаливого одобрения и уважения. Сестры Рена и Кира Оршанские не работали в журкорпусе, но работали на него. Они должны были явиться с минуты на минуту, и молодой художник Миша Лауниц, самый прилежный поклонник сестер, не спускал глаз со входной двери.

Инга огляделась по сторонам. Она уже несколько раз бывала в этом необычном заведении для людей *особенных*, творческой элиты. До сих пор не верилось, что ей удалось попасть в их круг, не имея ничего общего ни с творчеством, ни тем более с элитой. Ингу это очень тяготило. Вообще-то называть ее Ингой придумала младшая Оршанская – Кира. Провинциалка по имени Ира Храпунова никак не могла появиться в компании сестер Оршанских. Вот Инга – другое дело.

Ей ужасно нравилось новое имя и образ богемной дамы. Такие исходные данные, как имя, место рождения, статус семьи были для нее невыносимы. Бедный шахтерский городок, родители-алкоголики, недополученное образование бухгалтера – свое прошлое Инга ненавидела истово. Перебравшись в маленький, холодный съемный, но столичный угол, каждую ночь Инга обещала себе: она будет другой.

Конечно, про родителей и шахтерский городок никто не знал. У нее имелась легенда: Инга презрела дебет и кредит, открыв в себе безудержный творческий потенциал. Все понимающе кивали. Сначала она, разумеется, хотела поступить на актерский. Потом одумалась и не без протекции сестер Оршанских прикипела к столичной галерее современного искусства, где оказались востребованы ее организаторские способности. Там Инга работала кем-то вроде помощника галериста. Без образования и таланта. В общем, знакомство с Оршанскими оказалось самой большой удачей, которая только могла случиться в ее жизни.

Инга поймала на себе лукавый взгляд мужчины за соседним столиком. Как любая некрасивая женщина, она была прекрасно осведомлена об этом досадном недостатке. Инга отлично знала – человеку за соседним столиком есть, что разглядывать, черты, делающие ее не просто некрасивой, а настоящей дурнушкой: квадратный совсем не женский подбородок, бесформенное тело, лихорадочно алеющую кожу. Да, она отлично знала этот взгляд, полный радости обнаружения чужого порока, и в то же время взгляд презрительного отвращения. Раньше, поймав его, ужасно стыдилась себя. Но с годами прошло. Она подняла голову, посмотрев любопытному мужчине прямо в глаза, поджала губы и принялась плотно набивать свою черную трубку. Мужчина за соседним столиком незамедлительно заинтересовался лепниной.

Сестры появились в тот момент, когда подали кофе. Все сразу оживились, Миша взлетел со своего стула, чтобы помочь девушкам снять верхнюю одежду. Инга тоже присоединилась ко всеобщему ликованию, даже дыхание затаила, когда искривленная улыбка Киры засияла всем

и сразу. Она всегда любовалась Кирой. Когда Ира Храпунова смотрела на младшую Оршанскую, в ее голове крутились строчки из песни: «У нее удивительно длинные ноги, и глаза восхитительно синего цвета». Маленькую, хрупкую, как балерину, изящную и обаятельную Киру Оршанскую любили все. За доброту, женственность и мягкий теплый свет глаз.

Кира талантливо пишет, это все знали. Она журналистка в самом интересном и *элитном* издании, которое только можно представить в столице. Чтобы попасть в число авторов такого журнала, нужно иметь большие связи, уровень *intelligence quotient* нобелевского лауреата и семью, принадлежащую к новой исторической общности. Другой бы сказал: ну конечно, просто папа место устроил. Красивая такая, зато злая, наверное, втайне обижает щенят. Ведь люди не могут перенести чье-то моральное и физическое превосходство, оно становится для них поистине тяжелым грузом.

Но про Киру решительно нельзя предположить ничего дурного. И место в издании за ней столько лет, просто потому что Кира очень талантлива. Ее статьи Инга читает с большим удовольствием, даже выписывает удачные обороты. В нанесении тяжких обид щенкам Кира также не замечена. Она скрывала, но все знали: Кира волонтер – ездит в Непал с гуманитарной миссией помощи детям. Все было так восхитительно, что у Инги просто дух захватывало. Ей нравилась эта маленькая Одри Хепберн, милая, словно диснеевская принцесса, красивая без лишней краски. Вокруг нее столько необыкновенных людей, Кира бывает в потрясающих местах. Инге нравилось, как она говорит, как сидит, как смеется. Инга завидовала и курила. Было чему завидовать: у Киры Оршанской имелось все, что хотела бы Ира Храпунова.

Завязалась беседа. Художник Миша Лауниц, подающий большие надежды, смотрит на Киру замороженно. Молодой режиссер Маргарита Герген рассказывает о своей новой задумке. С ней спорит студент ВГИКа. Старшая Оршанская – Рена – заинтересовалась и внесла несколько интересных и глубоких замечаний. Рена была старше сестры на несколько лет. Она занималась языками и работала консультантом в международной корпорации. Чуть более грузная и серьезная, чем сестра, она имела ровно в полтора раза меньше поклонников.

Инга в основном слушала. Слушала яростно. От нее не ускользало ни одно новое имя или название. Временами она делала пометки о том, что прочитывать. Условия были неравными. Сестры Оршанские росли среди монографий, памятников литературы и свободно поддерживали беседу о чем угодно. Временами Инга просто не понимала, о чем говорят все эти люди, выдающие небрежные реплики о Гринуэйе, Честертоне и Леонарде Коэне. Она боялась нечаянно продемонстрировать собственную невежественность.

Однако никто особенно не рвался услышать ее мнение. По большей части Инга курила. Ограничивалась банальными словами, когда промолчать не было возможности. Много читала, любую свободную минуту. Слушала лекции. Словом, пыталась хоть как-то заполучить те знания, которые все в этой компании обрели едва ли не от рождения. Просто потому, что дома у них говорили Ришельё, а не Ришелье.

После кафе Герген повела всех на современную пьесу под названием «Дауншифтинг». Актеры декламировали, стоя на голове. Кто-то разрывал на груди одежду. Рена смотрела задумчиво, Кира с полуулыбкой. У Миши проступили слезы. Все восхищались. Рена выдала длинный монолог на тему образа зеленого абажура в русской литературе. Поэт Эн. Мисарев с видом скучающего принца зарифмовал несколько строк. Инге пьеса не понравилась, но она боялась сказать и признала вслух: «Пьеса, конечно, интересная».

Договорились, что завтра Миша займет очередь на выставку Мунка. Там по выходным очереди – до метро. Так Инга и ее новая столичная компания проводили время.

На даче у Оршанских были гости. Ингу пригласили в первый раз, поэтому она надела свое самое приличное платье, стыдливо обнажив мягкие крупные ноги. Очень волновалась – придется знакомиться с Оршанскими-родителями. В такие минуты Инге казалось, что из нее

лучится провинциальность и каждый завиток волос, как тайный знак, дает понять: она чужая. Инга представляла, как Оршанские падают в обморок от ее нечаянного «чё».

Нервно сглотнула, нажимая кнопку звонка. Открыла Рена с бокалом вина в руке, всегда серьезная, собранная умница Рена. В разных частях дома велась оживленная беседа. В зале Оршанские-родители о чем-то спорили, сдержанно жестикулируя. Рена не спеша повела Ингу на веранду, где все собрались. Там ее ждала неожиданная картина: в центре композиции значился пышноволосый незнакомец, восседавший на перилах. С ним было что-то не то. Когда заговорил по-английски, разъяснилось, что именно «не то»: он был иностранец. Вокруг на креслах, подушках и коврах сидели ребята. Кира внимательно слушала иностранца, временами длинно и быстро отвечая на английском. Миша Лауниц ерзал на стуле, ревновал и дулся. Повода не было: Кира не кокетничала.

Иностранец как будто рассказывал о своих путешествиях. Инга мало понимала – к стыду, английский она знала дурно. Беседа длилась целую вечность. Все смеялись. Инге почему-то стало скучно. Позвали к ужину, у стола Кира представила родителям нескольких новеньких из своей компании. Очень долго рассказывала про Закари – так звали иностранца. Родители-Оршанские вежливо слушали, Закари лучезарно улыбался. Нескоро очередь дошла и до Инги, но Оршанские скользнули по ней невидящим взглядом, не удостоив никакого комментария. Они что-то спросили у иностранца.

Инга вышла, было тоскливо. На крыльце с самым скучающим видом курил поэт Эн. Мисарев. Он помог ей раскурить трубку. Какое-то время стояли молча. Поэт спросил у нее, как ей тут нравится. Инга сделала кислую мину – поэт ухмыльнулся. Снова помолчали.

– Замерзнешь, – сказал поэт Эн. Мисарев.

– Нет, – ответила Инга, хотя ей давно стало зябко.

Тут поэт признался, что терпеть не может светские рауты. Пышноволосый иностранец показался ему просто смешным, акцент Герген просто ужасным, ну а влюбленный художник Миша Лауниц – просто давно всем надоел. Инга рассмеялась. Ей понравилось.

Внутри что-то потеплело, и Инга вдруг сказала:

– Уважаемый Эн. Мисарев, не прочтете ли вы мне что-нибудь из ваших последних творений? – прозвучало глупо, но Инга понятия не имела, как общаться с поэтами.

Поэт с торжествующим видом воззрелся вдаль – на кроны деревьев. Потом начал читать, немного подвывая, как Бродский. В его стихотворении были какие-то сложные аллегории, в которых Инга увязла почти сразу. Но произведение показалось ей «конечно, интересным». Продолжили беседу внутри. Поэт Эн. Мисарев много и меланхолично говорил, Инга с удивлением обнаружила, что не только ей не нравятся современные пьесы и другие странные вещи, которыми увлекались интеллектуалы в их компании. Было забавно. Инга вдохновенно слушала.

Одевались. Поэт Эн. Мисарев коротко попрощался. Потом, глядя на ее покатые плечи, не в глаза, как будто нехотя предложил Инге как-нибудь продолжить «нескучную беседу». Инга, конечно, согласилась. Даже слишком радостно, за что корила себя всю дорогу до дома.

Инга находила в поэте Эн. Мисареве что-то печоринское. На вещи он смотрел печально, с притаившейся усмешкой в уголке рта. Заказали выпить. Инга поймала свое отражение в далеком зеркале и улыбнулась – сегодня она почти хороша.

Поэт опять много говорил. Временами Инга порывалась рассказать о себе, но ее история не имела успеха. Эн. Мисареву было интереснее про свою цветаевскую нелюбовь. Инга недоумевала, за что можно не любить великого поэта. Ее спутник улыбнулся и пообещал принести кое-какие мемуары.

С легкостью завсегдатая крафтовой пивоварни поэт Эн. Мисарев заказывал разные сорта пива. Он пил быстро и скоро захмелел. Инга совсем замолчала. Говорил поэт. Долго и обсто-

ятельно объяснял, что он не любит. В какой-то момент Инга поняла, что находится на пьяной исповеди. Он рассказывал несусветные гадости про тех, с кем в компании был так дружелюбен, кому посвящал стихи. Сквозь мутную пелену винного сознания Инга ощущала подкатывающее отвращение. Свет в пабе стал неприятно резать глаза, стул показался слишком твердым, а спина затекла.

Вызвали такси. Позже Инга не могла себе внятно ответить, почему согласилась поехать. Ехали по ночному проспекту, темнота душила, поэт Эн. Мисарев тяжело дышал рядом. Очень уверенным для пьяного человека движением он положил руку на отрез юбки, а другой рукой потянул к себе. Инга почувствовала отвратительное кислое пивное дыхание и дернулась. Поэт проявил настойчивость. Такси затормозило на светофоре. Поддавшись панике, Инга выскочила из машины прямо на проспекте. Поэт смотрел на нее со скептическим презрением. Возбешенный таксист с визгом рванул вперед. Несколько машин объехало задыхающуюся от унижения девушку.

Шла к метро, еще ощущая на шее горячее пьяное дыхание. Было противно и гадко. Потом отчего-то стало страшно, и в глазах застыли слезы от обиды и отвращения к самой себе.

В компании никто не обратил внимание на перемены в настроении Инги. Она никогда не была улыбчивой, а теперь просто стала больше курить. Поэт Эн. Мисарев не устаивал ее даже взглядом. Инга, словно заразившись его мрачным равнодушием, скучала и презирала. Однажды она громко и невпопад рассмеялась, когда поэт расхваливал сценарий Герген, о котором наедине высказывался самым уничтожающим образом.

Застыла, ожидая немедленной казни, но не случилось ни неловкой паузы, ни оскорбленного взгляда. Сардонического смешка просто никто не услышал. В тот момент Инге срочно захотелось сделать что-нибудь странное – встать на голову и начать играть ту пьесу или закричать посреди комнаты, как кричат пьяные – ни с того ни с сего, в пространство, в чужие уши. Или заплакать, и чтобы все утешали. Инга стояла со своей трубкой среди оживленных групп ее приятелей. Стало невыразимо, физически невыносимо скучно. Она медленно взяла пальто и тихо прикрыла за собой дверь. Никто не заметил.

Пыльная городская гладь. Воспаленные глаза в метро, полудрема, несколько эскалаторов и старый подъезд. В чужом холодном доме, где чай всегда без сахара, а раковина на кухне с тысячелетним налетом, Ингу ждало сообщение из другой жизни.

Последний раз она видела тетю Нину в глубоком детстве, наверное, как раз до ее отъезда в столицы. Инга пыталась вспомнить ее вид или ощущения от разговора и прикосновений, но блики детской памяти не складывались в единую картинку. Она была родственницей по отцу. Или нет. Не спилась, уехала. Кажется, ее не любили за это. Теперь они оказались в одном городе, тетя Нина узнала и пишет ей. «Зачем пишет?» – думала, ворочаясь в постели Инга, мысль о встрече и «выпей с нами, дорогая родственница» казалась противной.

На следующий день Инга долго думала, стоит ли звонить вновь обретенной тетушке. К вечеру не выдержала и набрала указанный номер. Ответили не сразу, но обрадовались и звали в гости. Инга почему-то согласилась – теперь уже неловко отказывать. «Если что, быстро уйду, придумаю предлог», – успокаивала она себя.

Наступили выходные. Инга шла в гости нехотя, скучая. Тетя Нина жила в чистеньком районе. Дома у нее тоже было чисто, это Инга сразу заметила. Ей понравилось. Снимая обувь, она ощутила запах порошка в одной части квартиры и вкусного обеда в другой. Тетя Нина оказалась веселой женщиной с теплыми округлыми руками и светлыми серо-голубыми глазами. Она обняла Ингу как родную и пригласила за стол. У тети Нины имелась дочь-школьница. Ее очень заинтересовала работа Инги. Они удивлялись, восхищались и все время спрашивали. Видимо, тетя Нина была приятно поражена, и не меньше, чем Инга.

Из духовки тянуло чем-то невозможно вкусным. Весь вечер пили чай и говорили. Про родителей – с болью, про работу – с интересом, про Ингу, много говорили про Ингу, хотя тетя Нина называла ее Иришей. Гостья не стала поправлять, ей стало так уютно в домашнем тепле. Смотрели старые фотографии, тетя Нина рассказывала о том, как непросто оказалось переехать и начать все с нуля в большом городе. И снова пили чай.

В какой-то момент Инга вдруг ощутила покой. Словно ее на большом надувном круге покачивало вдали шумного и людного морского берега, и остались только тишина, плеск волн и всеобъемлющее солнечное тепло. Инга улыбалась. Она не продумывала ответы и не сравнивала себя ни с кем в ту минуту. Она просто была. Была Иришей, которую рады видеть. Рады спросить. Рады услышать ее мнение. Не притворяясь – была. Сказав – услышана.

«И правда, какая у меня интересная работа», – думала она по пути домой.

Найти брата

Кто-то неторопливо повернул ключ. Кувырок в замке – и тяжелая дверь открылась, впус- тив в темноту пустой квартиры свет, звуки и жизнь. Порог переступила маленькая женщина в дорогом кремовом пальто. Вдохнув, она опустила кожаную сумку на пол и стала не спеша раздеваться, иногда в задумчивости задерживая пальцы на гладких пуговицах. Жалобно мяук- нула кошка, выбежавшая встречать хозяйку. Кошка порядком одичала за день и принялась приветливо тереться о хозяйскую руку. Женщина что-то ласково шепнула и, наконец управив- шись с верхней одеждой, поставила на положенное место красивые сапожки без единого пят- нышка уличной грязи.

Пожалуй, она была слишком суха для своих лет. В ее годы многие женщины расхо- дятся в ширь и удаль бойкой матроны. Но она оказалась лишена обильной еды, продолжитель- ной вахты у плиты, как и по-домашнему пышных форм женщин, познавших рождение дитя. Сухость и жилистость ее тела говорили об энергичности и многих часах, оставленных на работе за профессорской кафедрой.

Женщина тихо вошла в прекрасно обставленные комнаты, останавливаясь то у окна, то у стола, и разместилась в кресле, наклонившись, чтобы размять нывшую стопу. Позади была насыщенная неделя и научная конференция. В голове еще как будто гудели голоса, проноси- лись мысли и интересные идеи, которые предприимчивый мозг вынес из докладов. Во рту оставалось приятное послевкусие от половины бокала «Shiraz». Привычная тишина квартиры прерывалась мягким шумом от передвижения кошки, с наслаждением приступившей к сво- ему ужину, и тиканьем роскошных винтажных часов. Впереди предстояли тихие и безмолвные выходные.

Уставшая, она закрыла глаза и, облокотившись тяжелой головой на руку, прислушалась к тишине своего дома. Тишина городской квартиры не была безмолвием в действительном смысле слова. Дом гудел, издавал грудной звук «ту-у-у», напоминающий потуги трубы разыг- раться в полную мощь, будто уставший музыкант силился выдуть из инструмента застрявший предмет.

Обычно эта тишина не тяготила: на горизонте всегда маячило завтра с его событиями. Но сейчас вдруг появилось ощущение, что никакого завтра нет, а длинные праздники всего лишь продолжительное вынужденное ожидание чего-то большего. Новой недели, рабочих буд- ней, наполненных пчелиным смыслом: работа – результат.

Дома профессор престижного учебного заведения превращалась в маленькую женщину, которой и являлась от природы. Откинувшись в кресле, она стала размышлять о погружении в три безработных, безлюдных, бесшумных дня. С каждым футом морской воды этого погру- жения в грудной клетке становилось все меньше места, приятное удовлетворение от прошед- шей плодотворной недели сменялось холодной тоской, заполняющей легкие. Она спрашивала себя: по кому эта тоска или по чему? Откуда взялась и зачем нужна? Не по большой любви, не по чьему-то ночному храпу в постели, не по юности, которая не была счастливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.